

DOI 10.15826/qr.2018.2.315
УДК 274/278+277.4+27-312.7+316.64

**ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ХРИСТИАНЕ И БАПТИСТЫ
В 1905–1929 гг.: СООБЩЕСТВО МИЛОСЕРДИЯ***

Рец. на кн.: *Raber M. Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905–1929 / Mary Raber. – Eugene, OR : Pickwick Publ., 2016. – XIV + 259 p.*

Йоханнес Дик

Боннская библейская семинария,
Борнхайд, Германия

**EVANGELICALS AND BAPTISTS BETWEEN 1905
AND 1929: THE MINISTRY OF COMPASSION**

Rev. of: Raber, M. (2016). *Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905–1929.* – Eugene, OR : Pickwick Publ. – XIV + 259 p.

Johannes Dyck

Bibelseminar Bonn,
Bornheim, Germany

This is a review of a book on the social activity of Evangelicals and Baptists in Russia and the USSR between 1905 and 1929, which was referred to as the compassionate ministry. The author singles out three patterns of compassionate ministry (mutual help as part of a strategy of survival during the period of persecution, ministry to the destitute in order to increase their influence, and Christian economic communities as a means of achieving the economic independence of the religious community), describes the diversity of the religious group, shows the complexity of the social and political context, defines the ministry's main objectives, draws conclusions, and informs the reader of further research areas. According to the author, the compassionate ministry was voluntary, was aimed at the expansion of faith, and should be considered an important marker of Evangelical and Baptist identity.

Keywords: Evangelism; Baptist Christianity; compassionate ministry; social service.

* *Citation:* Dyck, J. (2018). Evangelicals and Baptists between 1905 and 1929: The Ministry of Compassion. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 596–604. DOI 10.15826/qr.2018.2.315.

Цитирование: Dyck J. Evangelicals and Baptists between 1905 and 1929: The Ministry of Compassion // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 596–604. DOI 10.15826/qr.2018.2.315 / Дик Й. Евангельские христиане и баптисты в 1905–1929 гг.: сообщество милосердия // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 596–604. DOI 10.15826/qr.2018.2.315.

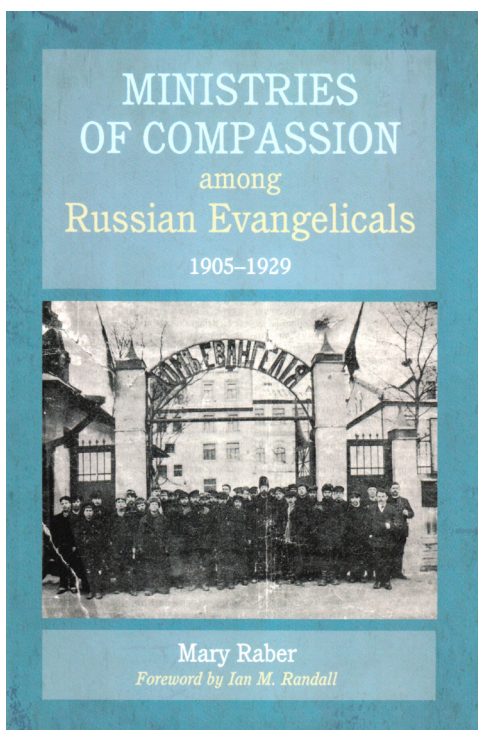
Представлена рецензия на монографию, посвященную социальной вовлеченности евангельских христиан и баптистов в России и СССР в 1905–1929 гг., которая в соответствии с конфессиональным узусом обозначена как служение милосердия. Автор выделяет три основных паттерна служения милосердия (взаимопомощь как часть стратегии выживания во времена преследований, служение обездоленным как часть стратегии расширения влияния, а также христианские хозяйственные сообщества как часть стратегии экономической независимости конфессионального сообщества), описывает многообразие евангельско-баптистской среды, показывает сложный общественно-политический контекст, в котором это служение осуществлялось, называет его главную цель, делает выводы и обозначает потенциал для дальнейших исследований. По мысли автора, служение милосердия было добровольным и массовым, имело целью экспансию веры и явилось важным маркером идентичности евангельских христиан и баптистов.

Ключевые слова: евангельское христианство; баптизм; служение милосердия; социальное служение.

Мэри Рэйбер впервые в историографии евангельских христиан и баптистов выделила опыт милосердия в отдельную тему исследования, которое затем получило монографическое завершение¹. Ее монография – не первая в ряду, посвященном первому в истории евангельских христиан и баптистов периоду легальной работы, начавшемуся во время революции 1905 г. и завершившемуся тотальным наступлением на религию после 1929 г. Первая академическая работа в этом направлении была опубликована канадской исследовательницей Х. Коулмен и была посвящена экспансии баптизма [Coleman]. У Коулмен Рэйбер позаимствовала хронологические рамки исследования. Второй следует назвать двухтомную монографию Н. В. Потаповой 2014 г. о евангельских христианах и баптистах в России в 1917–1922 гг. [Потапова]. Потапова затрагивает тему благотворительности лишь в связи с обвинениями в зарубежном финансировании деятельности российских евангельских христиан и баптистов, обстоятельно опровергая их [Там же, т. 2, с. 166–172]. Кроме того, тему государственно-конфессиональных отношений в рассматриваемый период изучала Т. К. Никольская [Никольская], а А. Уордин посвятил часть своего исследования периоду 1905–1917 гг. [Wardin]. Рэйбер пользуется в качестве источника и тщательным исследованием О. Ю. Редькиной о религиозных сельскохозяйственных трудовых коллективах [Редькина].

Мотивация Рэйбер во многом была определена ее деятельностью в 1993–2007 гг. в качестве добровольца крупной конфессиональной североамериканской благотворительной организации (Меннонитского

¹ Основой монографии стала диссертация (PhD), успешно защищенная в *International Baptist Theological Seminary Center* (Амстердам, 2015).

центрального комитета) в России и на Украине, где в ее обязанности входила поддержка евангельско-баптистских социальных проектов в условиях возродившегося интереса к этой сфере деятельности в конфессиональных кругах, казалось бы, напрочь забытой в советские времена.

Давая определение объекту своего исследования – теме милосердия, автор проводит отчетливую границу как с родственной идеей благотворительности, с которой евангельско-баптистское сообщество в своей истории почти не имело точек соприкосновения, так и со сходными концепциями социального служения либо социальных служб, которые предполагают наличие про-

фессиональных сотрудников и определенный уровень бюрократизации [Рэйбер, с. 6]. Рэйбер абстрагируется от эпизодических проявлений милосердия и предпочитает работать с его систематическими формами, называя их согласно евангельско-баптистскому узусу служениями и выделяя три исторически сложившихся паттерна: взаимопомощь как часть стратегии выживания во времена преследований, служение обездоленным как часть стратегии расширения влияния, а также христианские хозяйственные сообщества как часть стратегии экономической независимости конфессионального сообщества. Каждому из этих паттернов посвящена отдельная глава.

Как верно отмечает М. Рэйбер, традиция систематического милосердия и благотворительности в евангельской среде возникла в 1874–1884 гг. и началась с проектов лидера евангельского движения в Петербурге В. А. Пашкова и его сподвижников. Это были инициативы во имя практического христианства, в частности, организация помещений для ночлега, швейных мастерских для неимущих женщин, а также столовых для бедного студенчества, в которых скромными обедами за небольшую плату пользовались до тысячи человек. Создание маргинализированными евангельскими верующими структур помощи неимущим вызвало в обществе сомнения в их русской идентичности, поскольку считалось, что милосердие должно было исходить от личности, а не от организации. Их методы считались импор-

тированными с Запада. Изгнание В. А. Пашкова и его ближайшего сподвижника М. М. Корфа из России в 1884 г. и запреты царского правительства положили конец большинству проектов, хотя последние оставили определенные следы как в евангельском сообществе, так и в российском обществе в целом [Рэйбер, с. 22–26].

Первый паттерн служения милосердия, выделяемый Рэйбер, – взаимопомощь – своими корнями уходит во вторую половину 1880-х гг., когда нелегальный в то время Союз русских баптистов начал координацию финансовой помощи своим многочисленным ссыльным и заключенным, поступавшей как из России, так и из-за рубежа [Рэйбер, с. 84–112]. С провозглашением свободы совести в России в 1905 г. и последовавшей за ним легализацией русского баптизма руководство Союза баптистов продолжало поддерживать корпоративную культуру взаимопомощи, а деятельность его фонда по оказанию помощи получила официальный характер. Подобный фонд был учрежден и конкурирующим Союзом евангельских христиан в целях объединения многочисленных частных инициатив. Обретя легальную основу, евангельские и баптистские общины и союзы пошли по пути создания отдельных официальных учреждений служения милосердия, прежде всего по уходу за состарившимися членами, чаще всего вдовами, и сиротами. Таким образом, помощь в первую очередь оказывалась неимущим в своем кругу.

Вторым паттерном служения милосердия, по М. Рэйбер, было так называемое служение освобождения среди групп риска – нищих, алкоголиков, проституток, беспризорных и детей из неблагополучных семей [Рэйбер, с. 113–143]. Эта работа проводилась в нескольких крупных городах – Москве, Баку и прежде всего Петербурге. Рядом проектов в Петербурге руководили очень известные в то время баптист Вильгельм Фетлер, латыш по происхождению, и евангельский христианин Иван Степанович Проханов. Оба издавали собственную периодику, что обеспечило проектам большую известность и поддержку как в России, так и за ее пределами. Социальная ангажированность в виде служения милосердия преследовала прежде всего миссионерские цели. Образцом для Проханова служила Армия Спасения в Европе; Фетлер брал пример с организации церковной социальной работы в Великобритании, в которой он участвовал сам, будучи студентом баптистского колледжа в Лондоне. Обосновавшись после возвращения в Россию в 1907 г. в Петербурге, В. Фетлер смог пробудить интерес к своим социальным проектам бывших соратников В. А. Пашкова из высших кругов общества. Сумев обозначить преемственность своих инициатив с евангельскими петербургскими проектами 1870-х и 1880-х гг., Фетлер получил поддержку и в евангельских кругах Европы. Посетителей из-за рубежа впечатляли полуночные богослужения Фетлера, в которых участвовало немало проституток вместе с их «почитателями». Таким образом, Фетлер не только интегрировал служение милосердия в церковную работу, но и сделал его одним из

важнейших элементов своей стратегии экспансии баптизма. Успешная деятельность Фетлера в Петербурге внезапно оборвалась с высылкой его из России в годы Первой мировой войны в 1915 г., во время ужесточения государственной политики в отношении баптизма.

И. С. Проханов сумел сделать служение милосердия ядром работы среди евангельской молодежи. Нетрадиционные методы деятельности в необычной среде очень привлекали склонных к максимализму молодых людей, что позволило Проханову значительно увеличить социальную активность евангельских христиан. Несколько позже, после падения самодержавия и начала новой религиозной свободы в 1917 г., евангельские христиане оказались в состоянии мобилизовать достаточно молодых людей из своей среды для работы на улице.

Согласно М. Рэйбер, и И. С. Проханов, и В. Фетлер ставили служение милосердия в сочетании с миссией безусловно выше вопросов вероучения и церковной практики: Фетлер всеми способами поддерживал открытие в России отделения Армии Спасения, которое произошло в декабре 1914 г., зная, что эта организация не исповедует ни крещения, ни Вечери Господней – ключевых для баптистов понятий. С той же Армией Спасения, которая сочетала активную миссионерскую деятельность с социальной работой, тесно сотрудничали и молодые евангельские христиане в бурном 1917 г.

Рэйбер соотносит со служением милосердия среди городских групп риска и участие евангельско-баптистских верующих в многочисленных обществах трезвости. Они получили распространение начиная с 1889 г., прежде всего в Русской православной церкви, несколько позже подобные общества стали возникать и вне религиозного поля. И баптисты, и евангельские христиане активно включились в популяризацию трезвости; баптисты отлучали из своих общин владельцев питейных заведений. И те, и другие предлагали для борьбы с алкоголизмом типичные духовные методы тотального изменения жизни через покаяние и обращение к Богу. По их замыслу, путь к трансформации общества лежит через трансформацию духа.

Идеям служения милосердия, выработанным и уточненным евангельско-баптистским сообществом в первый период его легального существования, предстояло пройти проверку в последующее десятилетие 1914–1923 гг. – время государственного перелома, не прекращавшихся военных действий и жуткого голода [Рэйбер, с. 144–173]. На вступление России в Первую мировую войну евангельско-баптистское сообщество отреагировало не только волной патриотизма, но и участием женщин в рядах сестер милосердия, организацией лазаретов и работой в качестве добровольных помощников по уходу за ранеными. Многочисленные женские кружки готовили теплую одежду для фронтовиков и сухари для русских военнопленных в Германии и Австрии. По мере того, как война становилась затяжной, содержание лазаретов ложилось на плечи верующих все большим бременем.

С ходом войны усугублялись и социальные проблемы в стране. В программы работы евангельско-баптистских общин вошли забота о беженцах и беспризорных – в петербургском баптистском Доме Евангелия для десяти беспризорных детей организовали жилье и постоянную опеку. Правда, этот проект завершился в ноябре 1917 г., когда стало трудно с продуктами, и часть детей возвратилась в свои семьи.

Несмотря на вовлеченность евангельско-баптистского сообщества в служение милосердия и на проявления патриотизма, после начала войны борьба с «иностранной верой» ужесточилась. Баптистские молитвенные дома стали повсеместно закрывать; к 1916 г. прекратилась деятельность Союза баптистов и Союза евангельских христиан. Армия Спасения, зарегистрированная в Финляндии, смогла защитить свои проекты только благодаря связям на уровне членов царской семьи.

Революционные события февраля 1917 г. принесли свободу баптистам и евангельским христианам, которые сразу же возобновили служение милосердия в его традиционных формах. Однако приход к власти большевиков и начавшаяся вслед за этим Гражданская война сильно подорвали материальную базу евангельских и баптистских общин; первой задачей их членов стала борьба за собственное выживание. Численность общин баптистов и евангельских христиан в Петрограде сократилась с полутора тысяч до 200 чел.; многие погибли от голода и болезней или покинули город в поисках пропитания и безопасности.

В экстремальных условиях войны и разрухи служение милосердия, по Рэйбер, оказалось направленным прежде всего на единоверцев. Сильное сосредоточение на идее общины придало борьбе за выживание совместный характер: молодежные группы петроградского Дома Евангелия собирались не только для совместной молитвы, но и для рукоделия. Союз евангельских христиан обратился к своим членам в сельских районах страны с просьбой поддержать единоверцев в городах, указав конкретные адреса и рекомендации по выбору и отправке продуктов.

Даже в тяжелые годы Гражданской войны служение милосердия сопровождалось целенаправленными мероприятиями по конфессиональной экспансии. Новая свобода сделала возможной новые формы миссии, обязательно включавшие в себя и служение милосердия. Работа среди солдат, начатая в Москве, продолжилась в 1918 г. в виде «палаточной миссии», которая действовала преимущественно на Юге России – там, где было легче с продовольствием, но где существовал разгул бандитизма. Члены миссии не только проповедовали, но и ухаживали за больными тифом, включая преследовавших их бандитов. Осенью 1919 г. на базу миссии в Екатеринослав вернулось всего семь сотрудников из 25, остальные либо были убиты, либо умерли от тифа. В 1920 г. после укрепления советской власти на Украине «палаточная миссия» получила легальный статус: ей было разрешено проводить лекции на религиозные темы, оказывать медицинскую помощь,

организовывать совместно с государственными органами детские дома и проповедовать в приютах, общественных столовых, больницах, на вокзалах, в парках и портах.

Новые вызовы служению милосердия принес голод 1921–1923 гг. В его зоне оказались 35 млн чел, или треть населения Европейской части России и 10 млн – на Южной Украине. Среди голодающих были и евангельско-баптистские верующие: в 1922 г. Союз баптистов сообщал о 44 тыс., или 20 % своих членов в этих регионах; Союз евангельских христиан искал поддержку для 131 своих общин в Поволжье и на Украине.

В борьбе с голодом проявили участие многочисленные международные организации помощи. Евангельско-баптистское сообщество оказалось вовлеченным в распределение огромных объемов помощи на локальном уровне, что потребовало от них совершенно новой организации служения милосердия, координации с различными организациями на всех уровнях и усовершенствования отчетности. Во избежание конфликтов между евангельскими христианами и баптистами даже была создана совместная комиссия по распределению международной баптистской помощи. В общей сложности по баптистской линии в страну было направлено продовольственной и материальной помощи из-за рубежа на 600 тыс. долларов США.

Помощь голодающим шла не только извне. Немало общин молочан, евангельских христиан и меннонитов из благополучных районов обращались непосредственно к В. И. Ленину с предложениями о помощи как собратьям по вере, так и населению в целом. Помощь, собранная только Союзом баптистов внутри страны, оценивалась в сентябре 1922 г. в 22 млн руб. (39 тыс. долларов США).

Третьим паттерном, выделяемым М. Рэйбер, явились христианские хозяйственные коллективы [Рэйбер, с. 174–199]. В 1924 г. в Союзе баптистов было организовано 25 коммун. Первые попытки создания евангельских коммун относятся к 1894 г., призывы к христианской трудовой кооперации звучали и после 1905 г. Главным популяризатором этой идеи Рэйбер считает Проханова, примерами которому служили и традиционный крестьянский *мир*, и духоборы, и меннонитские колонии, и Крестовоздвиженское трудовое братство Н. Н. Неплюева. Свои теоретические изыскания Проханов опубликовал в 1918 г. в работе «Евангельское христианство и социальный вопрос»; в 1926 г. из-под его пера вышла программа «Новая, или евангельская жизнь», провозглашавшая идеалом христианское совершенство в науке, искусстве, промышленности и сельском хозяйстве. Проханов предлагал три уровня обобществления имущества – *всеобщину*, где общими должны быть имущество и земля, *полувсеобщину*, где общие земля и оборудование существовали бы наряду с частными хозяйствами, и *простую общину*, где общими были бы такие средства производства, как мельница или завод. Он же создал и примерный устав для христианской коммуны. Вплоть до 1928 г. по принципам

Проханова было организовано несколько успешно действовавших коммун. Впрочем, М. Рэйбер вслед за Т. Никольской оценивает социальные проекты И. С. Проханова весьма скептически.

Последней инициативой Проханова стал Город Солнца, или Евангельск, который был торжественно заложен на Алтае близ монгольской границы в августе 1927 г. Автор исследования отмечает, что эти планы во многом совпадали с планами ОГПУ переселить баптистов и евангельских христиан в Сибирь. Планам Проханова, однако, не суждено было сбыться: в 1928 г. государство не только закрыло проект Евангельска, но и приступило к ликвидации всех христианских трудовых коллективов в стране. Вместе с систематическим наступлением на религию, принявшим особо жесткие формы в 1929 г., евангельско-баптистское служение милосердия во всех его традиционных формах завершилось.

М. Рэйбер в своей монографии не только систематизирует необозримое поле благотворительной деятельности евангельских христиан и баптистов и его проектов милосердия в очень сложный и для сообщества, и для страны период, но и вносит вклад в описание вечной дилеммы евангельско-баптистской веры о том, что важнее – слово или дело. По мнению автора, дела как выражение веры явились не только важным маркером идентичности евангельско-баптистских общин в России и СССР, социальное служение которых всегда было направлено на экспансию веры. В целом работа представляет собой важный вклад в изучение идентичности евангельско-баптистских общин, а предложенные ею области дальнейших исследований заслуживают детального внимания академического сообщества.

Список литературы

Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2002. 356 с.

Потапова Н. В. Евангельское христианство и баптизм в России в 1917–1922 гг. (на материалах Дальнего Востока) : в 2 т. Южно-Сахалинск : Изд-во СахГУ, 2014. Т. 1. 399 с. Т. 2. 269 с.

Редькина О. Ю. Меннонитская кооперация в Волго-Донском регионе в 1920-е гг. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Вып. 5. М. ; Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. С. 243–260.

Coleman H. Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2005. XI + 304 p.

Raber M. Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905–1929. Eugene, Oregon : Pickwick Publ., 2016. XIII + 239 p.

Wardin A. On the Edge : Baptists and Other Free Church Evangelicals in Tsarist Russia, 1855–1917. Eugene, Oregon : Wipf & Stock, 2013. X + 533 p.

References

Coleman, H. (2005). *Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929*. Bloomington, Indiana Univ. Press. XI + 304 p.

Nikol'skaya, T. K. (2002). *Russkii protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 godakh* [Russian Protestantism and State Power, 1905–1991]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. 356 p.

Potapova, N. V. (2014). *Evangel'skoe khristianstvo i baptizm v Rossii v 1917–1992 gg. (na materialakh Dal'nego Vostoka) v 2 t.* [Evangelicals and Baptists in Russia in 1917–1992 (with Reference to Materials from the Far East). 2 Vols.]. Yuzhno-Sakhalinsk, Izdatel'stvo Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 1. 399 p. Vol. 2. 269 p.

Raber, M. (2016). *Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905–1929*. Eugene, Oregon, Pickwick Publ. XIII + 239 p.

Red'kina, O. (2003). Mennonitskaya kooperatsiya v Volgo-Donskom regione v 1920-e gg. [Mennonite Cooperation in the Volga-Don Region in the 1920s]. In *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya*. Iss. 5. Moscow, Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 243–260.

Wardin, A. (2013). *On the Edge: Baptists and Other Free Church Evangelicals in Tsarist Russia, 1855–1917*. Eugene, Oregon, Wipf & Stock. X + 533 p.

The article was submitted on 22.02.2018